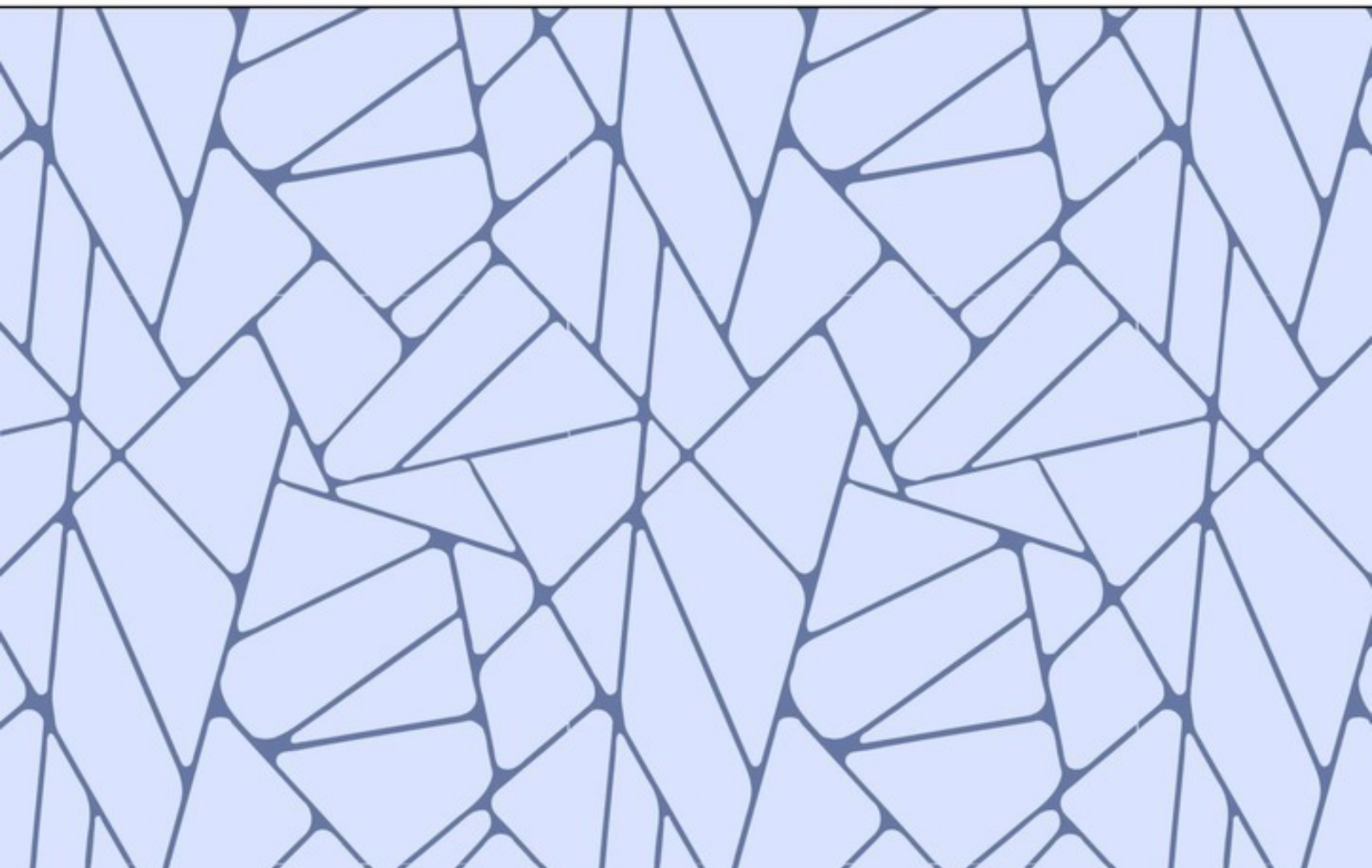

Олег Жданов

Паранормальная лингвистика

Роман о сверхвозможностях, любви
и верности

Олег Жданов

**Паранормальная лингвистика.
Роман о сверхвозможностях,
любви и верности**

«Издательские решения»

Жданов О.

Паранормальная лингвистика. Роман о сверхвозможностях, любви и верности / О. Жданов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-935265-1

Роман об идейном и физическом противостоянии учёного, открывшего сверхвозможности новой науки, со спецслужбами. Новая Библия пишется вами прямо сейчас. Будущее уже здесь.

ISBN 978-5-44-935265-1

© Жданов О.
© Издательские решения

Содержание

Первый публичный опыт левитации	6
Паранормальная лингвистика как наука	7
Государственная безопасность идет по следу	8
Очень осень	10
Сестра захотела вариантов	11
Онъй вознесся	13
Именем Российской Федерации приказываю и умоляю спуститься на грешную землю...	14
Тихая Обитель Госбезопасности	16
Другая физика	19
Сестра демонстрирует артефакты	22
Энергетические стихи. Анне становится страшно	25
Муравьи рыжие разбегаются по всему вашему золоченому телу	27
Паутина	30
Дайте мне восторгов и салюта!	32
Анна в Райске	33
Мертвая Нарциновская. Случилась счастливая бездна	34
Московский грянул гром	37
Засекреченная лингвистика	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Паранормальная лингвистика

Роман о сверхвозможностях, любви и верности

Олег Жданов

Памяти моего отца

Памяти моей мамы

© Олег Жданов, 2018

ISBN 978-5-4493-5265-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Первый публичный опыт левитации

Дело близилось к выпуску. Этот курс, как считали преподаватели, был весьма посредственным. Может быть потому прощальный капустник был скучен и даже тосклив. Если бы не вино втихую и танцы, ожидающие в конце вечера, разбрелись бы еще до начала. Но тут к ведущей концерта подошел студент первого курса Митя Оный. О нем ходило много слухов, но все решили, что парень сам их о себе распространяет – не верить же всему тому хаосу, что говорили!

– Я хочу выступить.

– Ты заявлен?

– И все же я хочу выступить.

Ведущая посмотрела с интересом на Митю.

– Да, пожалуйста, хоть сейчас! Как тебя объявить?

– Вот, – Оный всунул ей в руки лист бумаги.

Ведущая вышла на опустевшую к тому моменту сцену и прочла по бумажке: «А сейчас студент первого курса филологического факультета Дмитрий Андреевич Оный продемонстрирует всем нам чудеса левитации». От неожиданности сказанного девушка нервно захихикала. Ее смех повис в грянувшей тишине. Только особо нетрезвый студент выкрикнул: «Что за хрень?!» – но его никто не поддержал, уж слишком дерзким было заявление. На сцену преспокойно вышел Дмитрий, в полной тишине прошептал некую абракадабру и – воспарил над сценой. Дааааа!

Он летал над залом, то поднимаясь к самому потолку, то опускаясь к вскочившим в ужасе и восторге студентам и преподавателям, едва не касаясь их рук фалдами пиджака; приближался к высокому окну и подолгу смотрел в темноту мира, словно свободная прежде рыба, внезапно попавшая в аквариум. Подлетел к декану и отдал тому 50 рублей, которые все забывал сдать за посещение бассейна. Потом он парил над рядами и пожимал каждую руку, протянутую к нему. Так длилось около часа. Когда же все начали утомляться чудом, и ведущая призвала Дмитрия вернуться к ним на землю, Оный трагическим голосом отвечал, что не знает, как это сделать, ибо не изучил еще стоп-слово. Чудо без перерыва на танцы вскоре всех начало тяготить. Так парящего под потолком Дмитрия закрыли в актовом зале, откуда он смог выбраться только на следующий день.

Паранормальная лингвистика как наука

Прошло 13 интересных лет.

Дмитрий Андреевич Оный, преподаватель кафедры русского языка, раскрыл тетрадь и сделал первую запись: «Сверхлингвистика». Подумал и рядом поставил вариант: «Паранормальная лингвистика». Настала пора все зафиксировать, так как опыт нарастал снежным комом. «Сверхлингвистика – наука о языке, изучающая возможности речи влиять на преобразование материи, времени и пространства». Очень важно начать. Создать некую подвижную матрицу. Потом пойдут уточнения-исправления, но это будет уже внутринаучный диалог.

Дмитрий посмотрел за окно. Он увидел вдали возможные сумерки. Нужно было покинуть здание филологического факультета и идти домой. Он знал – за ним установлено наблюдение. Сегодня утром декан – замечательный старичок, выгоревший гений – дал понять Оному, что его компьютером интересовались. В компьютере была кое-какая информация, некие пчелки, но улей находился не там. Что ж, пусть в Госбезе думают, что он только в начале пути. Отпираться совсем уже бессмысленно. Да и не для этого Дмитрий вовлек их в рискованную для него партию.

На этаже, где располагалась кафедра русского языка, появился новый администратор. Девушка выпустилась четыре года назад, Дмитрий ее помнил. Преподавать ей показалось занятием скучным (в науке не много счастливых судеб), а вот в Госбезопасности она нашла применение своим способностям и творческому темпераменту. Девушка отметила в журнале время, когда Дмитрий Андреевич покинул этаж.

Спустился в библиотеку. Вера Васильевна обожала Митю еще с той поры, когда он был студентом. Но страх и трепет перед всесильной службой были в ней сильнее влюбленности, потому у нее даже мысли не промелькнуло намекнуть Оному про девушку, приказавшую записывать все издания, которыми интересуется Дмитрий. Но то, что к Верочке приходили, было очевидно: слишком тон стал официально-холодный.

– Я приготовила все, что вы просили, Дмитрий Андреевич. Спортивные журналы со статьями о пользе длительного бега, «Норфолк – загадка на все времена», история группы АББА, – тут голос Верочки дрогнул – она почувствовала, что сочетание звуков в названии группы несколько необычное. Обратила на такие филологические чудеса ей настойчиво рекомендовала та девушка с кафедры – железная леди, как ее прозвала Вера Васильевна. А Оный с одной стороны путал следы и развлекался, с другой продолжал интересоваться выходами в транс, пограничными состояниями.

– Вера Васильевна, голубушка, дайте мне для души почитать! Сказок народных дайте!

Вера Васильевна улыбалась: и чего крамольного им привиделось в Мите?

– Под чьей редакцией?

– Пропп. «Волшебные сказки».

На прошлой неделе Оный брал заговоры. Теперь сказки. Но надо было рисковать – дело набирало обороты, планета завертелась быстрее – и вот он уже приступил к написанию учебника по паранормальной лингвистике.

В университете была самая богатая библиотека в городе. Но Дмитрий посещал и другие, – путал и путался, он знал, что специально привлек внимание к себе со стороны Ведомства. Временами ему хотелось, чтобы в спину ему дышали, и всевидящий глаз вдохновлял его ускориться в исследованиях. Пока же в ГБ думали, будто контролируют его. Так ли это было на самом деле?

Государственная безопасность идет по следу

В Ведомстве подняли дело студента Оного, опросили более 400 человек и сразу заметили тот факт, что этот самый Оный нередко пропускал занятия – пропадал на два-три дня, неделю. Возвращался всегда замкнутым, как будто растил в себе нечто новое. Тогда факты исчезновения отнесли к традиционному студенческому разгильдяйству. А Дмитрий уже на первом курсе считал пошлостью утверждение героя Островского «Отчего люди не летают?!», и полеты интересовали его особенные... Постепенно он пришел к убеждению, что посредством подбора лексических конструкций можно преодолевать пространство и время, возвращаясь в прошлое или проникая в будущее. Откуда взялась эта уверенность? То ли реальность была менее интересной, чем хотелось бы, то ли необъяснимая доблесть ученого кружила голову, но факт был таков: студент, а позже преподаватель филологии государственного университета Дмитрий Оный, в полном одиночестве занимался разработками, которыми заинтересовалась Госбезопасность.

Сначала в местное отделение поступила информация, согласно которой преподаватель кафедры языка филологического университета на семинаре заявил – все существующие земные законы то ли пережили себя, то ли являются неразвитыми ростками могучих деревьев. Тут же он сказал, что мог бы легко отправить любого в путешествие во времени и пространстве, но не сделает этого, так как взрастил в себе совесть ученого. Впрочем, после подбора стоп-слова такое путешествие возможно. Тут же он все прежде сказанное назвал путаницей и шуткой. Этот Оный вообще много шутил. Как-то публично подверг осмеянию коммуникативные навыки губернатора, присовокупив, что сие есть классическое мутантское наречие, и следующей ступенью языковой деградации по этому типу будет либо бляение, либо довольное похрюкивание. Подобное он позволял себе говорить не раз и не два. А еще Дмитрий Андреевич вел некий таинственный спецсеминар то ли по речевым стратегиям, то ли еще что-то... Название явно было выдуманно для прикрытия. Так вот, на этом семинаре творились во множестве сверхъестественные вещи. Посещавшие его студенты восторженно рассказывали о том, как выродившиеся человеческие сучья превращались в благоухающие цветы, люди догоняли Ускользящую Красоту и женились на ней, а слепые прозревали и могли наблюдать, как их безногие товарищи пускались в пляс. Информации было мало, и вся она являлась эмоциональной и фантастической. Проникнуть же в круг семинаристов у людей из Ведомства никак не получалось. А когда одному молодому сотруднику это удалось, он вдруг в один день оставил работу и семью, после чего уехал в деревню к тетке, где до конца дней честно и молчаливо трудился на ферме и занимался любимым делом – смотрел на солнце и луну сквозь цветные стеклышки.

Университет в ГБ недолюбливали. Всегда там цвели крамола и вольнодумство. Хорошо, что ректором удалось поставить надежного человека, который и обратил внимание на Оного. Тип был мутный. Куратором по Оному назначили Хамитова – тот сам был выпускником данного факультета, но значительно раньше. Хамитову требовалась некая разгрузка, отдых с интеллектуальным дельцем после того, как он пустил кровяную группу несогласных из рабочей среды... И дело-то было пустяковое: запустить «крота», посеять сомнение и склоку, перебросить наиболее активных по разным участкам, но Хамитов зачем-то обозлился, применил задержание по надуманному поводу, пытки с увечьем. В общем, сорвался. Решили дать ему отдохнуть на деле несколько иллюзорном и фантастическом даже, где не было ни группы, ни определенного покушения на закон. После провального последнего дела (губернатор лично погрозил всемогущим пальцем) Хамитов как-то сник и обмяк. Даже показалось, что отхамил свое. В итоге он вызвал молодую сотрудницу и сказал: поручаю вам дело, которое находится на личном контроле Самого. И добавил, что за это дело, в случае успеха, будут ей и звезды на погон, и карьера столичная. А сам он – старый рубака, дел с тонким миром никогда не имел,

потому ей выпал шанс редкостный. Девица, Анна Евгеньевна Петрова, просветлела лицом, подняла кверху и без того вздернутый носик и обложилась материалами. Утром устроилась в университет на 1/3 ставки администратором, легко установила контакты, завербовала нужных людей просто и решительно – походя. Одни решили, что Оный доигрался, другие увидели в Анне одну из экзальтированных фанаток Дмитрия Андреевича, решившую подобраться ближе к цели. Третьи вздыхали тяжело, но тут же облегченно – жаль товарища... Да, слава богу, что не я!

Очень осень

Стояла очень осень. Хрустально и провокационно вырисовывались чуть обнаженные деревья на фоне родных сумерек, в карман медленно свалился желтый беззащитный лист. Последняя яркая летняя бабочка умерла на лету.

Вечером была пробежка. Митя любил бегать в парке вдоль института, ускоряться и дышать иначе – это очень здорово раскрепощало сознание для новых теорий, гипотез, фактов. Он даже написал однажды статью о пользе бега для одного периферийного спортивного издания. Рассмотрел пробежки как обязательную часть арсенала, с помощью которого можно подняться на новую ступень мыслительной деятельности, добиться квантового прорыва сознания. Статью все хвалили, но никто не читал.

По малому кругу бегали две девушки-студентки с физмата, и он ушел на большой круг, чтобы было просторнее думать, веселее, смелее и масштабнее. Итак, что у него было в активе из теории?

1. Достаточно изучены тонкие и летательные свойства гласных звуков (кроме «а» – слишком много боли Оный слышал в этом звуке, это заслоняло огромное количество важных свойств. Значимые смыслы здесь, он чувствовал, были ярки и непоколебимы, – неспроста этот звук открывал алфавит).

2. Согласные не открылись полностью, но основа, и основа достаточно крепкая и почти надежная, присутствовала. Да и не мог он всецело изучить тонкие свойства согласных – для этого потребовалось бы несколько жизней и помощников во множестве. Но Дмитрий работал один. Более того, считал классическое одиночество обязательным условием для творчества. Итак, согласные звуки... Да, здесь можно углубляться и самоуглубляться бесконечно долго, ибо количество сочетаний огромно и весьма действенно в летательном смысле. Но Оный, как всякий ученый, умел остановиться на важнейших и ключевых фактах.

3. Хуже всего обстояло дело с тем, с чего всегда следует начинать. Было не понятно, как работать со стоп-словом. Оный через год копания в этой теме понял: нет единого приема, с помощью которого будет происходить возвращение в точку отправления. Всякий раз эта необходимая лингвистическая конструкция должна быть изобретаема заново, чтобы подойти для данного актуального случая. Именно отсутствие успеха (или его невозможность) в работе со стоп-словом угнетала ученого. Ведь Оный был более ученым, чем анархистом: ему нужна была твердая платформа, и этой платформой он считал современность, в которую всякий раз нужно было возвращаться новым способом, а его снова и снова приходилось отыскивать эврикой.

Дмитрий вспоминал свои первые опыты, приходил в веселый ужас: сколько отваги и безответственности! Ведь у него всякий раз было гораздо более шансов не вернуться, превратив тем самым прекрасную зарождающуюся науку в личное приключение. Но случались темные минуты, когда Оному хотелось поменять цель и прорваться в прошлое, в некий городок Райск, на самые его золотые окраины, в золоченый тот год, чтобы длить мгновения счастья бесконечно. Потом, когда пришла уверенность в том, что в первых, зачастую спонтанных и диких экспериментах затаилась закономерность, захотелось узнать больше. Любопытство выросло до научного интереса, возникла жажда познания. А что же Райск? Райск остался. И он обязательно случится. Но позже. Сейчас нужно задать научное направление. Ведь это действительно интересное решение, опровержение традиционных теорий и путей. Как в одних очень смелых стихах: «Из влево или вправо выбираю... вверх».

Сестра захотела вариантов

Уже было совсем темно, когда Дмитрий остановился. Возвращался снова по аллее вуза, мимо родного корпуса и студенческого общежития. В общежитии за ним была закреплена комната, в которой он сейчас и проживал. Но сегодня он шел домой к маме. Кажется, должна была приехать Мария. Приехать совсем ненадолго. Сестра болела. То есть, это она думала, что болеет. Дмитрий был уверен, что сестра просто захотела вариантов. Именно потому уже более года находилась в «веселой больнице». Он звонил ей по телефончику, иногда она выходила на свободу, и брат с сестрой встречались. Сестра Мария рассказывала различные человеческие истории, из которых Дмитрий делал вывод, что в веселой больнице сестре интереснее (у нее всегда был какой-то абсолютно не местный темперамент, бесконтрольная фантазия). Жизнь вокруг была пресна для сестры. Вполне вероятно, Марии очень пригодятся его открытия, его наука. Красивые души во множестве своем жаждут высвобождения!

Идти было совсем недалеко. Митя иногда шутил, что выбрал данный вуз и профессию исключительно из географических соображений – из окна дома виднелась крыша корпуса, где размещался филологический факультет. По дороге Дмитрий размышлял о летательных свойствах гласного звука «о»: по форме есть некое колесо (символ движения), ворота (вход в пространственно-временной туннель). Звук безболезненного, в отличие от болезненного «а», удивления – удивления восторженного (восторг находится в центре любого транса, гипнотического, переходного состояния). Переходного в другие миры. Ценнейший звук, центральный. О – некая ось (ого, какое фонетическое совпадение!). Часто выполняет функцию соединительного между словами (мирами).

- А ты в хорошей форме!
- Это навсегда. Привет!

Сестра обратилась к нему еще с балкона (там она курила какую-то длинную кокетливую сигареллу). Мама смотрела на сына из другого окна, но могло показаться, что мама смотрит вдаль – давно стоит и смотрит (всегда стоит и смотрит). Так было с тех пор, как однажды отец ушел на работу и не вернулся. Позвонили с телефона отца, и чужой голос сказал, что отец умер.

Сидели за столом, мать любовалась детьми.

- По этому случаю...
- Мама, нет. Не надо.
- У вас в доме вина не водится, как у сектантов, – сказала сестра. – А то оставь уж.

Бутылка шампанского все же была. Стояла много лет. Отец купил, чтобы отметить старый новый год, да в тот день и не вернулся. Теперь дети отказались откупорить эту бутылку и выпустить трагического джина. Никто не знал, на что он способен.

- Как твои дела, сынок?
- Все хорошо, мама.
- Над чем работаете, профессор? – сестра всегда была насмешлива.

Дмитрий смотрелся в нее радостно и замечал, что у Марии какой-то странный румянец и дрожь. И взгляд очарованный, но недолгий.

- У меня тонкая тема.
- Открытия?
- Открытия.
- Профессор, когда вы уже создадите новый миропорядок?
- Со дня на день.
- Дети, а чем вас прежний миропорядок не устраивает?
- Он старый! – неожиданно хором ответили дети и рассмеялись такому совпадению.

– Мария, ты убежала из клиники?

Мать напряглась, а Дмитрий почувствовал толчок ногой под столом – сестра снова сбежала. И он вспомнил, как она всегда бежала прежде. Бежала из дому, начиная с 15 лет. Бежала на автобусах, поездах и самолетах, торопилась стать взрослой. Побег совершил и Дмитрий. Только если сестра все время стремилась в даль, то он убежал один раз и навсегда – внутрь. С тех пор там и находился, влюбленный в русскую языковую систему. Вроде здесь человек, среди нас: улыбается, говорит восхитительные чудачества, дерзко глядит на женщин, а на самом деле он спрятался давно, внутри и живет. Это было ему как-то понятно и близко – вдоль по дороге бессмысленно, важнее рвануть с нее в некий туман лет и расстояний, выйти из-под контроля, стать удаленным от любого возможного поиска. Но чтобы научиться это делать четко, нужно еще очень и очень много пробовать, искать, фантазировать. Сей труд занимал его крепко!

Сестра рассказывала пронзительные истории про «веселых». Мать спросила о детях Марии, но сестра отмахнулась. На дне ее глаз давно поселилась тоска, ей было тесно и душно в мире обязанностей и грустных прав, она готова была уйти с цыганами.

Сестра взялась играть романсы на старом расстроенном пианино, на котором училась в детстве. Играла она скверно, но маме нравилось. Маме очень бы хотелось, чтобы дочь терзала пианино, сын читал книжки у себя в комнате. А муж возвращался домой с работы.

Оный вознесся

Важно было, чтобы дети проснулись в этом доме, потому никто не был отпущен. Дмитрий снова находился в своей комнате, самой маленькой, без окна. То есть, окно имелось, но вид из него был совсем неинтересен (дом напротив – вполне расстрельный сюжетец), и Дмитрий забывал о нем. Окна в его понимании выходили совершенно в другие три стороны – на книжные шкафы и полки. Один из шкафов занимали его собственные рукописи, тексты. И первый из них – записанные Дмитрием русские частушки, привезенные из фольклорной экспедиции. Частушки были почти все матерные, но это Оный считал более законом карнавального жанра, чем особенностью народного мировоззрения. Сам Дмитрий в мирной жизни мат не любил и сторонился его, но как филолог неминуемо им интересовался. Что не помешало ему отговорить одного бойкого и несколько развязного студента сделать публичное сообщение на тему русского бранного слова. «Я не рекомендую вам это делать. Причем, из соображений скорее не нравственных, но кармических. Вы молоды, прекрасно молоды... А слова способны давать такие странные и непредсказуемые круги по судьбе... Думается, вплоть до седьмого колена». И тот борзый студент остановился, слушал и понимал Оного.

Вот еще текст. Это его выступление на научно-практической конференции. В той секции он оказался единственным юношей, потому победу ему присудили очень легко. Тему доклада «О некотором взаимовлиянии поэзии Тютчева и прозы Достоевского» Дмитрий тогда раскрыл довольно однобоко, сфокусировавшись в большей степени на изображении переходных (сумеречных) состояний двумя великими художниками. Действительно, из доклада складывалось впечатление, что Митю более других тем забавляла тема переходных состояний, но уже тогда это было не так. Дмитрий знал одну особенность своей речи: часто он говорил не для того, чтобы донести что-то до собеседника, но чтобы спрятаться, скрыть истинную цель своих поисков. Становилось ясно – уже тогда, в конце четвертого курса, Дмитрий активно работал над теорией и даже имел практические опыты в области паранормальной лингвистики. Впрочем, сейчас Оный улыбался, вспоминая уровень своих знаний девять лет назад.

В комнате было тихо, даже настенные часы стояли. Остановил их сам Дмитрий очень давно, связав воедино две стрелки. Время задумалось и остановилось. За окном мерцала среди веток высокого дерева луна, еще дальше шумела речка. И снова Оному явилось искушение – встать и сей же час отправиться в поля, где испытать-таки свою первую летательную языковую формулу... Эта формула была простой (относительно последующих конструкций) и убедительной, явилась к нему бог знает откуда – то ли во сне, то ли в тайне – то есть, опять же в сумеречном состоянии, выплыла из затемненного счастья и сумерек земных. Последующие формулы Оный построил на основе ее, и испытывал даже их, и результаты были разные, но эту испытывать он боялся. Или считал отчего-то испытания кощунством. Но вот час пробил, Митя вышел из родительского дома так тихо, что даже не услышал собственных шагов. Было около часа ночи, ветер на улице волновал. Оный сразу шагнул в сумрак, прошел вдоль реки с темными осенними водами и заснувшими русалками на дне, направился к лесу. Лес был небольшим, и за ним тянулись бескрайние заброшенные поля, где росли и не росли дикие травы, да мутировавшие от тоски и собственной красивой бесполезности сельхозкультуры. Летом и осенью в том углу поселялись наркоманы своей коммуной – мешали травы, проводили селекцию, экспериментировали. А потом, счастливые, умирали. В научных целях Дмитрий бывал здесь не раз и не два. И вот снова это предчувствие путешествия, слезы счастья из глаз и звездная осыпь над головой! Формулу он, конечно же, помнил наизусть. Именно ее простота внушала ему мысль, что он легко подберет и стоп-слово. Оный оглядел прекрасный и божий мир вокруг, эту темную ослепительную ночь и вслух произнес формулу. И... ничего. Произнес еще раз и – вознесся.

Именем Российской Федерации приказываю и умоляю спуститься на грешную землю...

В третьем часу ночи в особняке мэра города Норска зазвонил телефон. Именно тот, экстренный, который напрямую соединял мэра с начальником полиции. Остальные телефоны в доме были благо разумно отключены. Мэр оторвал тяжелую голову от подушки и первое, что он увидел, были тревожные глаза его жены. За двенадцать лет этот телефон звонил всего дважды. Первый раз девять лет назад, когда в аварии погибла любовница мэра, второй раз – в позапрошлом году: в ту ночь главный полицейский города получил уведомление, что город через неделю может посетить Президент. Бог миловал, Сам не приехал. Но по ком звонит телефон в этот раз?!

– Виктор Абрамович, тут такое!..

– Вы там чего, все с ума посходили? Вы что пили?! – а сам уже звонил в гараж, требовал машину.

По дороге Виктор Абрамович думал о том, что всем им надо кодироваться от пьянства. Еще думал, как ему поступить, если все это окажется правдой. Пудовкин так и сказал: «Чудик завис в воздухе за лесом, в поле. И его со всех сторон видно». Фокус ли это или Пудовкин снова пьян в дрезину? А если провокация? Через полгода выборы. Вот так он и скажет, если случится огласка: «Предвыборная провокация против действующей власти, происки, так сказать».

В поле стояло две полицейские машины, личное авто Пудовкина и две машины пожарных. Именно пожарными был замечен неопознанный человек в небе; увидевший доложил начальнику, тот позвонил Пудовкину.

– А может черт с ним, пусть висит? Не нарушает ведь...

– Как это «пусть висит»?! Что за вольности – в небе висеть ночью? К чему обывателя смущать? Обыватель должен быть спокоен и бодр духом, чтобы приносить пользу государству. А кто будет спокоен, когда в небе человек висит? Соображать надо!

Мэр выматерился. Проекторы с пожарных машин были направлены в небо и освещали человека, который висел в небе метрах в двенадцати от земли. Никаких приспособлений видно не было.

– А что он говорит? Какие его требования? – переживал мэр.

– Молчит он.

Но решили попробовать еще.

– Гражданин... который вознесся... айдате к нам, на землю. У нас водка есть и спутниковое телевидение, озорные каналы, – проговорил Пудовкин, но не особенно громко. Всем было страшно от этой осенней тишины и невероятной картины: человек вознесся над землей.

– А снять его не пробовали?

– Нет, мы не полезем, – хором ответили пожарные. И мэр сам испугался собственной смелости. Тут и пришла ему в голову мысль позвонить Чеканкину, начальнику местного отделения Управления Госбезопасности.

Чеканкин приехал так быстро, будто стоял в соседнем овраге. Вытворял физиономию, точно случай этот ему, бывалому, многократно известен. И вообще, он, д'Артаньян, сейчас все паранормальное победит ударом шпаги. Чеканкин оградил территорию и выставил патрули. Потом подумал, и патрули снял – была тьма темная, до рассвета далеко, да и поле заброшенное. Решили организовать ЧРЕШ (чрезвычайный штаб), в который вошли начальники ГБ, полиции и пожарной охраны. Мэр вынужден был возглавить штаб, хотя всю ответственность и полномочия делегировал Чеканкину, а сам сел в служебную машину, потребовал водки и прекратить безобразие во вверенном ему городе. Через час прибыли все сотрудники ведомства Чеканкина,

и Хамитов с Петровой опознали преподавателя филологического факультета Дмитрия Оного. Они путанно объяснили ЧРЕШовцам, какой темой занимался ученый. А на вопрос, как снять этого чудака с неба, Хамитов ответил, нужно стрелять на поражение. Чеканкин назвал Хамитова любителем ухи (так и сказал: уху ел), Хамитов не спорил. Петрова решила – настал ее звездный час, самое время для бурного карьерного рывка – и вступила в переговоры с Оним.

– Именем Закона Российской Федерации приказываю спуститься на грешную землю...

Оный потом будет утверждать, что не нарушил ни один закон. Но сейчас людям внизу это было неважно. Они боялись за себя. И только двое пожарных испытывали страх за пошатнувшееся мироустройство: вот висит человек в небе, и все пофиг ему! Люди внизу спорили, ссорились и угрожали друг другу увольнением, а из уст градоначальника даже прозвучало самое страшное проклятие, которое и вслух произносить нельзя: он обещал всем им, о ужас, конфискацию имущества! Так нервозность перерастала в панику ближе к рассвету. Но когда совсем рассвело, случилось чудо: Оный, все время что-то шептавший, легко и плавно опустился на землю. Он поздоровался со всеми кивком головы и пошел в сторону города. И только через несколько минут был схвачен опомнившимися ЧРЕШовцами. Тут Чеканкин и главный полицейский сцепились между собой, выясняя, чье же ведомство провело блистательную операцию, но мэр шикнул на них, объяснив, что никакой операции не было, так как не было самого инцидента. Все вынуждены были согласиться. Вполне правомерно возникал вопрос, как они допустили сие происшествие?! И вот Оного сажают в машину, и ему кажется, будто за темными стеклами авто Чеканкина он видит сестру. Потом он разматывает клубок и припоминает: когда он уходил ночью из дома и обернулся, то видел мать, смотревшую вдаль.

Тихая Обитель Госбезопасности

Чеканкин не стал спорить с мэром. Но после беседы с Хамитовым и Петровой, которые курировали Дмитрия Андреевича, затеял свою игру. Он почувствовал, что в руки к нему пришел большой, невиданный доселе козырь, и главное теперь – суметь им умно и оборотисто распорядиться. Этот козырь сулил ему не просто чины и деньжищи. Чеканкин жаждал могущества.

Здание Управления ГБ Норска было почему-то ярким и праздничным, из динамиков слышалась бравая симфоническая музыка. Казалось, здесь обитают веселые военные люди, полные отваги и душевности. Но был забор – высокий и кирпичный, по верху которого проходил провод под высоким напряжением, и был подвал, о чем обыватели не подозревали. В подвале четыре одиночные камеры, все чаще пустовавшие. Ибо все политические были признаны уголовными, а террористы в том краю ловились плохо. Но служивые сами себе находили работу, чтобы финансирование продолжало крепнуть соответственно покою и сну граждан.

Чеканкин с самого начала не знал, как обходиться с Оным. Тот еще при задержании вежливо и настойчиво попросил назвать статью УК, по которой его арестовывают. Но, на счастье Чеканкина и всех других ЧРЕШовцев, документов при себе у Дмитрия не оказалось, потому «выяснение личности» и стало формальным поводом. Впрочем, с каких это пор в нашем милом Отечестве для задержания человека требуется повод?

Итак, ранним утром субботы Дмитрий Оный оказался в камере подвального этажа Ведомства. Было впечатление, что здесь ничто не изменилось со сталинских времен – обстановка угнетала. Только одну большую камеру превратили в четыре одиночные. И цвета казались мрачными: серый, зеленый и желтый, как предательство. Оный сел на нары, закрыл глаза. Он не был ни испуган, ни удивлен. Дмитрий прислушался к себе и понял, что ему, с одной стороны, хотелось закончить с этой неприятностью, но с другой, он в глубине души был рад приключению, так как план его начинал осуществляться. Интересно, что они могут предъявить ему кроме нарушения их унылых моделей поведения, кроме выпадения из традиционных схем? Но таких статей нет. Они сами не знают, как с ним быть. Потому можно ожидать странных ходов от них... И это опять же мне на пользу: я хотел попасть в экстремальную ситуацию? Да! Я в нее попал. Сам сочинил. Теперь моя работа закипит! Оный поднял взгляд к желтому потолку. Он не знал еще, что как раз над его камерой располагается кабинет, в котором сейчас сидели трое. Мужчины курили, женщина активно пользовалась компьютером, собирая информацию.

– Станислав Лаврентьевич, я готова.

– Итак, что мы знаем об Оном?

– Оный, Дмитрий Андреевич, 30 лет. Преподаватель кафедры русского языка филологического факультета университета города Норска, второй ребенок в семье...

– Детство?

– В детстве имел пристрастие к спорту и музыке, в 14 лет увлекся филологией, с 15 лет самостоятельно организовывал и осуществлял фольклорные экспедиции по сельской местности, собирал древние легенды нашего края. В возрасте 14 же лет испытал сильное подростковое любовное чувство к некоей Ларисе Нарциновской, которая позже была замечена в нелегальных публичных домах. Именно в тот период наблюдается перелом в поведении Оного: при внешней открытости он демонстрирует признаки волевого самоуглубления, теряет интерес к реальности.

– Он довел девчонку до распутства?

– Нет, по всем свидетельствам их отношения носили платонический и сезонный характер, – Нарциновская проживала в городе Райске.

– Где это?

Петрова назвала область.

– Оный ездил туда исключительно летом.

– Вот так приехал однажды, а она... – Хамитов усмехнулся, но Станислав Лаврентьевич не слышал его, он уже что-то думал.

– Учителя в школе Дмитрия не любили, так как он демонстрировал возможности гораздо большие, нежели они могли уложить в баллы, в вуз поступил легко. Является автором двух сборников энергетических стихотворений...

– Стоп! Это как понимать? Есть такой общепринятый термин?

– Не думаю. Возможно, его и ввел Оный. В предисловии к сборникам он утверждает, что его тексты способны подзаряжать энергетически.

– Вы читали эти стихи? Вы видели эти сборники??

– Нет, но...

– Почему нет? Вы обязаны были иметь у себя их и исследовать...

– Дело в том, что тираж странным образом пропал. Потом каким-то немыслимым образом сборник всплыл в Генштабе ВС Израиля.

Чеканкин помолчал, а потом начал орать на своих подчиненных, теряя самообладание и топя ногами.

– Вы все просрали! У вас под носом человек сотрудничает с вооруженными силами страны, входящей во вражеский блок. Он висит в воздухе по ночам... А если он не самостоятельно висит, а для них?!

Чеканкин орал и удивлялся: в любом случае он, Чеканкин, оказывается в выигрыше. И чем зlostнее этот ученый и чудак Оный, тем почетнее будет разоблачить его. Но эта его версия казалась даже ему слишком прямолинейной и тут же была отвергнута и Петровой, и Хамитовым.

– Факт сотрудничества Оного и израильской стороны не подтверждается. Тираж пропал при перевозке из типографии, Оный не получил за свой труд ничего. Он вообще всегда отказывается от гонорара за свои статьи и книги. Более того, он их печатал под разными псевдонимами. В этом смысле он представляется более опасным...

– Неподкупные покупаются. Только монета иная.

Анна Петрова невозмутимо продолжила.

– От природы имеет сильный организаторский талант, при этом предпочитает работать в одиночку. Очень легко влюбляет в себя людей. Легко расстается. Как высказалась одна его сокурсница «одной рукой тянет, но двумя уже отталкивает». К людям не привязывается. Парадоксален. Обладает впечатляющей быстротой и развернутостью мышления. Вариативен. При всей кажущейся внешней открытости живет внутренней жизнью, куда не пускает никого. Популярен в среде ученых, хотя сторонится корпоративных взаимоотношений. Вынослив. Спортсмен.

– Чем занимается?

– Любительский бег. Также изобрел собственную систему отжиманий, подтягиваний и приседаний, о которой написал статью в журнале «Физкультура и спорт».

– Название статьи?

– «Чудесные замедленные упражнения».

– Для ученого название вполне сказочное, – рассмеялся Чеканкин.

– В Оном это уживается: ученость и сказочность, страстность и аскетизм, притягательная открытость и будоражащая тайна...

– Итак, Супермен?

– Слабые места у Оного есть. Он вполне уязвим.

– Так поведайте нам про самое важное!

– У Дмитрия были сложные отношения с отцом. Онный считал отца тираном, воспитавшим в нем разнообразные комплексы. И после смерти отца Оного мучает непреходящее чувство стыда, что он не смог полюбить отца при жизни.

– Смерть тоже чудесная? – иронизировал Хамитов.

– И да, и нет. Андрей Онный умер на работе от инфаркта. Как оказалось, скрывал ото всех частые сердечные боли (при вскрытии обнаружилась явная ишемия). Дмитрий очень часто вспоминает, как ночью встал попить воды и на кухне натолкнулся на отца, – тот сидел в полной темноте и нюхал лук, будучи простуженным. На работу он ушел, но с нее не вернулся. Позвонили с телефона отца именно Дмитрию. Сам Онный говорит, никаких предчувствий у него не было, только странности: за некоторое время до этого он со всеми переругался – в вузе, семье, общежитии, в Сети...

– Еще?

– Сестра Оного. Экзальтированная особа, на лечении...

– Не продолжать. Она у нас в разработке. Возможно сотрудничество.

– Мать. Несколько остранилась после смерти мужа, очень много времени проводит у окна. Сын дома бывает нечасто, ему предоставлена комната в общежитии, где он устроил языковую лабораторию. Чувство вины за то, что мать в основном одна, угнетает Дмитрия. Но он увлечен научным поиском, даже в доме родителей занят в основном наукой. Мать все так же, у окна.

– Вот и добрались! Кто мне скажет, наконец, чем он точно занимается и что это за фокус он демонстрировал ночью?

– Точного ответа нет, так как Онный маскирует тему своих научных разработок. Он филолог, работает над словом. И это его ночное вознесение, видимо, практическая часть.

– То есть? – поднялся со стула побледневший Чеканкин.

– Очевидно, что с помощью владения словом Дмитрий Андреевич учится (частично научился) перемещаться в пространстве.

– Бросьте! – перебил Хамитов, но голос и вся манера его были испуганными. – Не может человек преодолеть законы физики!

При этом Хамитов более спрашивал, чем утверждал.

– По-моему, он открывает неизвестные языковые законы, которые гораздо мощнее законов физических. Вспомните Библию: «Вначале было Слово». Очевидно, что «вначале» обозначает не только истоки мироустройства, но и его краеугольный камень, наиболее мощный элемент.

Анна Петрова закончила свое сообщение, закрыв монитор.

Хамитов был подавлен. Он старел, потому его удручали сложности. При сложностях он выходил из себя. Но его последний опыт был горек и неприятно-кровав, потому он и был подавлен. Чеканкин многого не понимал, но внутри него крепло и росло торжество. Какую птицу он схватил в самом начале полета, еще на разгоне! Только бы вразумил бог или кто там попользоваться этим всласть и навеки, аминь!

Другая физика

Чеканкин встрепенулся.

– Так, господа. Теперь ответьте мне на вопрос: чем нам опасен этот самый Оный?

– Он не уважает физику, – попытался пошутить Хамитов.

– Думается мне, все серьезнее и глобальнее. Он побеждает физику, опровергает ее. То есть опровергает устойчивый ход вещей, рушит своим освобождением мироустройство, порядок... Видимо, физика – совершенно другая.

Хамитов перебил Анну:

– Да что это за дела – взял да и полетел! Завтра все полетят? У нас летают только самолеты. Авиационные компании лишатся денег, не станут покупать топливо. Так рухнет нефтяная промышленность – у нас экономика и политика построены вокруг и для нефтяной промышленности... Его надо того...

– Спокойней! Он уже у нас сидит, – торжество внутри Чеканкина грозило перерасти в песню. И вдруг неожиданно для себя самой Анна сказала:

– А вы уверены? Он еще сидит?

И грянула тишина. Вдалеке вскрикнул тепловозный гудок, у Хамитова прозвучал ком в горле, Дзержинский на портрете побледнел. Гулко во дворе сыпались листья.

– Почему вы отвергаете мысль, что человек, способный вознестись над землей, не позволит себе пройти сквозь стену? – грозно и в то же время вдохновенно почти закричала Петрова. И тут они все трое вскочили и, сумасшедшие, бросились вон. Они бежали вниз по лестнице, спотыкаясь и мешая друг другу, почти катились одним клубком – горячим, кричащим, живым и азартным. Кроме боязни, что преступник (раз в камере, значит преступник) скроется, и их всех накажут, а они намеревались схватить куш, в каждом из них было огромное желание, чтобы Оный продолжил их удивлять – как те казавшиеся им великими циркачи из детства – и сейчас за дверью остался бы только его запах, улыбка, смешок, пуговка. Они распахнули дверь, чуть было не рванулись назад: Оный сидел в самом темном углу комнаты, а свет из маленького зарешеченного окошечка камеры падал таким образом, что над головой его отчетливо выделялся нимб. «Как Иисус!» – подумала Петрова с какой-то глубинной радостью, словно всю жизнь тайно ждала Иисуса из Назарета.

– Что же вы, господа, совсем забыли обо мне? Сидите, выдумываете себе, а со мной поговорить и не удосужились, – Дмитрий говорил из темного угла и нимб над его головой креп. «Как Иисус!» – во второй раз подумала Анна, а Хамитов испуганно заверещал:

– Вы это... перестаньте! Это мы вас схватили. Мы – главные. И попытлся, и наткнулся на попятившегося еще ранее Чеканкина, которому и сказал испуганно и по-детски: «А чего он!» – с непонятной интонацией.

Оный вышел из темного угла в центр, нимб тихо погас. Все вздохнули с облегчением, но в глазах Анны на мгновение поселилось разочарование. Только на мгновение.

– Господа, я готов ответить на все ваши вопросы, и пусть недоразумения между нами скорее забудутся.

Служивый с оружием, прежде охранявший камеру, повел Оного наверх, в кабинет, эти же трое шли несколько сзади. На повороте лестницы Дмитрий повернул голову и так открыто улыбнулся Анне, что та опять почему-то подумала про Иисуса. Улыбка эта сняла напряжение со всех, и в кабинете они сидели без вражды, но с обоюдным интересом. При этом вооруженный человек стоял за дверью наготове.

Долго молчали как-то странно, первым вернулся к норме Хамитов.

– Фамилия, имя, отчество?

– Оный, Дмитрий Андреевич. Но вы же все знаете. Зачем вы так формально? Это не соответствует сложной и прекрасной реальности. Это оскорбляет и снижает реальность, господа!

– Молчите. Мы ведем протокол.

И действительно, Петрова уже печатала вопросы и ответы.

Оный сначала вздохнул, но тут же улыбнулся.

– Хорошо, давайте попробуем. Вдруг что-то выйдет? – и заговорщицки улыбнулся Анне.

Хамитов продолжал идиотизм.

– Год и место рождения?

– Выйдите в Интернет, там это обо мне есть. Мы теряем время!

– А мы не торопимся, товарищ ученый.

– Я тороплюсь. У меня есть исследования, которые требуют массу времени. Никогда не задумывались, что наш язык парадоксален и провокационен? Масса времени...

– Год и место рождения.

– А если я не скажу? Вы меня пытаться будете? Господа, я прошу услышать меня: у нас нет времени на условности. Послушайте, вы же давно работаете в КГБ...

– ФСБ. Наша организация с некоторых пор называется ФСБ.

– Что ж, мудрое решение. Но поверьте мне, после переименования предмет или явление не всегда сразу приобретают новые свойства. Потому прошу извинить меня, если я буду употреблять более привычную аббревиатуру. Да и методология, насколько я мог заметить, у вас прежняя.

Заговорил Чеканкин, прежде молчавший, наблюдавший за всем этим со стороны.

– Оный, а чего вы, собственно, добиваетесь? Какие ваши цели?

Митя некоторое время обдумывал слова Чеканкина, улыбнулся:

– Сдается мне, вы деловой человек! Я даже не могу сейчас с уверенностью сказать, с кем из вас мне более неприятно иметь дело – с этим товарищем или с деловым господином, вроде вас.

Чеканкин нахмурился, Хамитов сжал кулаки, но съезжился. Зачем Оный с самого начала обозначил свое отношение к ним как негативное? Дмитрий продолжал:

– Какая может быть цель? Пройти некий путь до конца, убедиться в правильности гипотез, то есть пути... Не знаю. В науке настолько хороши и интересны средства, что цель часто условна и обозначается набором традиционных символов.

– Простите, но ученые, как правило, говорят хором, что их цель – помочь людям... – вмешалась Анна. Этот разговор ее волновал каким-то странным образом.

Дмитрий обрадовался реплике Анны.

– Конечно, в этом смысле – да. Не будут же ученые говорить, что их цель – прикрыть собственную наготу (в научном смысле), так бы они попросту стрелялись (и стреляются во множестве). Цель у науки та же, что и у Бога: одолеть темное, возвысить светлое. У науки есть свои ангелы, есть и бесы.

– А вы кто?

– Я – абсолютный ангел. Белее меня только Фантазия. Но если найдется ученый, который заявит о себе такое же, не верьте ему. Он – шарлатан.

Митя улыбался.

Но Чеканкина не интересовала лирика, в отличие от Анны Петровой. Он сформулировал вопрос четко.

– А над какой темой вы работаете? Как объяснить ваши... выкрутасы этой ночью?

– Я пока не могу ответить на этот вопрос. И не потому, что это тайна. Просто это пока нескромно. В научном мире так неприято. Реклама, как оказалось, разрушает науку. Когда я пойму, что есть доказанные знания, общие положения, я выступлю. Теперь еще рано, извините.

– А фокусы? То есть вознесение?

- О, меня более обрадовал факт удачного приземления!
- Подождите, вы нас шокировали. Вы хотите сейчас выйти отсюда?
- Да.
- Мы отпустим вас, наверное. Вы обещаете более не заниматься этим?
- Чем?
- Хм... Не летать. Не разрушать устойчивый миропорядок.
- Не такой уж он устойчивый, – Онный рассмеялся снова.
- Хотя бы не смущайте обывателей, не возноситеесь прилюдно...
- Хорошо.
- Вы пока еще посидите там, нам надо посоветоваться.

Дмитрий все время улыбался. Господа-товарищи явно не знали, как себя вести в ситуации с ним. Его не за что было держать в подвале, в камере, но он им казался опасным.

– Вы с самого начала выбрали неправильный метод познания. К чему было действовать так нелепо: извлекать объект исследования из среды, наблюдать его в закрытой лаборатории, – Дмитрий смеялся уже дерзко. – Что за манера хватать среди ночи, сажать в камеру... Так и до пыток недалеко, господа. А вам и предъявить мне нечего. Впрочем, мне самому интересно, как выпутываться вы станете. Я подожду.

И конвоир отвел Оного в камеру.

Да, он зачем-то дерзил и «нарывался». «Почему он решил, что мы будем играть по его правилам? У него есть охранные грамоты? Он подстраховался? Надо встретиться с сестрой. Ее информация может иметь ключевое значение теперь», – так рассуждал Чеканкин.

Сестра демонстрирует артефакты

– Вот теперь сидите здесь и думайте, что нам делать. Я поехал на встречу с агентом.

Так Чеканкин сел в автомобиль и позвонил:

– Доброе утро, Мария. Нам нужно встретиться. Сейчас.

Конечно же, Митя при задержании не мог видеть сестру в автомобиле Чеканкина. Это было пророчество, некая досрочная материализация.

Автомобиль тронулся. Чеканкин ехал на встречу с Марией.

Около двух недель назад Чеканкину позвонила неизвестная женщина и предложила встретиться. Сказала, это в его интересах и в интересах ведомства, которое он возглавляет, и назвала фамилию Оного. Чеканкин помнил, что это какой-то молодой и буйный ученый, выходящий из-под контроля, но ничего серьезного там нет, и быть не может. Тем более, к нему приставлены люди. И он отказался от встречи. Теперь же он сам звонил Марии (профессиональная привычка – сохранять звонки).

Они встретились посреди мира, совершенно бесстыже, и принялись торговаться. В этот ранний час в караоке-баре не было никого, все черти спали. Чеканкин нередко посещал сие заведение, ибо очень любил петь. Ему с детства виделись сны, где он – в центре зала, посередине мира, на вершине славы. Но билетик достался иной – Чеканкин стал солдатом невидимого фронта, и его фамилию даже в газетах печатать нельзя было.

Станислав Лаврентьевич извинился перед Марией, и для начала спел романс «Хризантемы». Подумал и вывел немислимым фальцетиком плясовую. Вытер пот со лба (хотя пота и не было), еще раз извинился и вдруг сделался совершенно серьезным.

– Мое Ведомство с некоторых пор может больше, чем все думают. Я не преувеличу, если приравняю его к государству. Итак, Мария Андреевна, что вы хотите дать нашему государству и какую услугу желаете получить от него?

Мария Андреевна молчала и снова курила какую-то сигареллу. Закончив это занятие, взяла свою сумочку и ударила ею Чеканкина по голове. Он вскочил было, но Мария схватила его за ту часть тела, которую принято сравнивать с галстуком (пусть так) и резко рванула вниз – начальник норского отделения ГБ взвыл от боли и покорно рухнул на стул. После чего Мария плеснула ему вино в лицо. Потом протянула салфетку, вяло сказала: «Утрись, подлец!» – Чеканкин сидел раздавленный. Он пригласил даму в заведение, пел ей из своего, пусть не богатого, репертуара, а она его избила, унизила, схватила за малый его узелок.

– Теперь, когда вы перестали играть в шута горохового, мы поговорим.

Чеканкин поднял глаза на нее, но тут же отвел взгляд – она показалась ему демонически всесильной.

– Что вам известно обо мне? Говорить!

– Вы, Мария Андреевна, экзальтированная особа, уставшая от глупых мужей, которые все оказывались рядом с вами слабачками и пузырями мыльными; от детей уставшая, ибо они слишком медленно растут в сравнении с вашим динамизмом. Вы уехать хотите – из города, из страны, из нашей страшной сказочки. Но средств у вас нет серьезных. И вы, ненавидя и презирая наш слабый мир, в странных домах укрылись – там дикари: они ярче, эмоции гуще, нет этой долгоиграющей тоски серенькой, душевной...

– Неплохо. А теперь я расскажу, почему вашей организации нужен мой братик. Он нужен вам для могущества.

Тут Мария из сумочки, которой незадолго до этого лупила Чеканкина, извлекла две газеты.

– Посмотрите на это фото, товарищ. И скажите мне, сумасшедшенькой, кто это?

– Это есть брат ваш единоутробный, Оный Димитрий, вне сомнений всяческих.

– А теперь разверните газету, посмотрите дату выпуска и прочитайте-ка мне вслух статью под фотографией моего брата.

Чеканкин сразу понял, что газета очень старая – сейчас и бумага другая, и печать, и так далее. Газета называлась «Аткарские известия» и была выпущена в Саратовской области 23 июня 1975 года тиражом три тысячи экземпляров. Чеканкин помнил дату рождения Дмитрия из протокола, это был год 1976. Чеканкин стал читать: «Как сообщает Линейное отделение милиции, сегодня ранним утром при обходе железнодорожных путей был задержан странный гражданин. Он вел себя не вполне адекватно, при этом нетрезвым не выглядел. На нем была нелепая одежда, документов задержанный не имеет. Гражданин (его фото вы можете видеть здесь) сообщил, что отстал от поезда и ехал будто он до ст. Райск Тамбовской области, хотя всем нам известно, строительство железнодорожной ветки до Райска начнется, согласно планам, только через год. Также гражданин не мог сориентироваться в нынешней дате. Во время сопровождения в областную больницу для обследования сей гражданин исчез при невыясненных обстоятельствах. Всем, кто видел или увидит этого человека, просим срочно сообщить в дежурную часть города Аткарска по тел. 02 или по телефону 18—56...».

– Мария, я уверенно вам могу сказать, вот этот четырехзначный номер есть номер Отделения ГБ Аткарска (раньше все наши номера начинались на единичку – с чего, так сказать, начинается родина...).

Был ли предел потрясению Чеканкина?

– А это набор открыток с видами города Райска. Посмотрите.

Главный смотрел открытки, город был красив.

– Да, симпатичный современный город!

– Захолустье, провинция, овраг. На открытках изображен Райск 2025 года, – видимо, там к тому времени найдут нефть или газ, – Мария устало махнула рукой, точнее, отмахнулась от них. И действительно, Чеканкин увидел, открытки отпечатаны в городской типографии города Райска в 2025 году.

– Мой гениальный братик подарил мне их ко дню рождения. Он остер, не правда ли?

– Похоже, это его фирменный стиль – хранить тайну, при этом сыпать тонкими умными намеками, провоцировать действительность на будущность. Мария, мне нужно связаться с аналитическим отделом...

– А что тут анализировать? Братик в первый раз не «долетел» и по времени, и по расстоянию, оказавшись в Аткарске в 1975 году (не так уж далеко по расстоянию, кстати). Во второй раз был «перелет» по времени, но точное попадание в пространстве.

– Он хочет именно в Райск?

– Да, и хочет в определенный год.

– Какой же?

– Думаю, в 1997—1999. Где-то в один из этих годов. Тогда все было хорошо: его любимая девочка не превратилась в чудовище и пустышку...

А Чеканкин уже мысленно записывал пункты:

1) отработать другие возможные путешествия Оного (не факт, что их было только два, о которых рассказала Мария, и еще одно прошедшей ночью);

2) связаться с товарищами из Райска – его интересовала девочка, с которой у Дмитрия была платоническая связь.

– Довольно на сегодня, Станислав Лаврентьевич. Я устала от вашей медленной манеры мыслить и существовать. Вы имеете дело с человеком, который вполне успешно учится передвигаться во времени и пространстве. Сегодня учится сам, завтра может учить других. Кто будут они, эти другие?!

– Да-да, я понимаю...

– Не думаю. Но теперь у вас есть некоторые данные. Свяжитесь с более высоким начальством, вам объяснят, что я прошу совсем немного внимания к себе в обмен на могущество.

Мария словно читала мысли Чеканкина, оперировала его понятийным аппаратом, так и говорила – могущество.

А потом Мария ушла. Чеканкин некоторое время сжимал свою голову в цепких руках, пока лицо его не стало синюшным. И тут вскочил, запел в микрофон громко и весело «Устал я греться у чужоого огня... Ах, где то сердце, что полюбит меня?!...»

Энергетические стихи. Анне становится страшно

Когда Чеканкин вернулся в отдел, он застал у себя в кабинете Анну, сидевшую за компьютером; Хамитов же звонил по внутреннему телефону в Райск.

– Какие новости?

Анна выдала информацию.

– В компьютере Оного найдены останки поэтических текстов, которые напечатаны на одном из поэтических сайтов под псевдонимом raisk99.

«Так, значит все-таки 99-ый год. А этот его псевдоним – некое проговаривание цели, декларация намерений, тонкая и пронзительная провокация реальности», – подумал Станислав Лаврентьевич.

– Анна Евгеньевна, выведите мне все тексты автора с этим никнеймом. Мы с вами займемся поэзией. Он улыбнулся. Улыбнулась и Анна. Чеканкин так никогда и не поймет, что она улыбнулась в ответ на его самонадеянность.

И действительно, «заняться поэзией» у Чеканкина не вышло. Он долго таращился в тексты и даже пытался делать умное лицо, но ничего не менялось. Ему казалось, что Оный просто издевается над читателем. Анна Евгеньевна пробовала объяснить Чеканкину, что это, скорее всего, еще одна игра Оного. Так они решили впутать сюда эксперта. Экспертов было выбрано сразу два. Первый – аспирант одного северного университета, попавшийся на попытке продать китайцам засекреченные документы, связанные с фольклорными традициями Приамурья. Разумеется, в той истории было еще что-то тайное, потому было решено студента держать на коротком поводке. Второй эксперт был профессором, спецом-текстовиком высочайшего уровня. Он давно работал с Ведомством из убеждений, сделал много полезного, яростно любя свой труд. Экспертам были отосланы тексты с просьбой расшифровки как самих текстов, так и личности автора. А пока спецы изучали и думали над кощунственными стихами, товарищ из града Райск прислал ответ на запрос Хамитова о платонической девочке. После чего Чеканкин объявил «летучку», и вначале ему пришлось ввести своих подчиненных в некий транс, когда он рассказал им о газете из прошлого и открытках из будущего, показанных Марией.

– Дело обстоит еще хуже и темнее. Дмитрий Оный настолько далеко ушел в своей науке, что может не только возноситься вверх и парить до земли, но и... – Чеканкину было неловко и страшно это произнести. Он даже боялся за свой рассудок.

– Перемещаться во времени, – пришла на помощь начальнику Анна Евгеньевна.

– А каким образом он это делает? – спросил Хамитов, чтобы «поучаствовать», но двое других на него посмотрели как на дурачка.

– При помощи языковых колебаний. Методом оригинального подбора звуков, которые и дают соответствующий резонанс, – снова говорила Анна. – Если работают древние заклинания, почему не могут работать новые, точно подобранные ключи? Как мы видим, все возможно.

– Да вам откуда это известно?

– Кстати, сама не знаю!

Тут старый служивый волк Хамитов подумал, про фразу «все возможно» – даже за образ мыслей такой раньше по крайней мере уволили бы. А сейчас это, наоборот, широта взглядов, которая приветствуется. Тьфу!

– Понятно, что он вполне может уйти от нас. Не через дверь, а так... Мы будем его отпускать. Оный с нами, пока ему это интересно.

– Наша цель?

– Он должен работать на нас. Или на нас, или вообще не работать. Ведь это будто персонаж фантастических фильмов – Оный может возвращаться в прошлое, участвовать в будущем.

– Он опасен. Мне даже страшно! – проговорила Анна таким голосом, что все посмотрели на нее с любопытством. И каждый подумал так: а эта дамочка случайно не... Оооооо!

– У нас есть его тайна: платоническая подростковая влюбленность в девочку, которая потом стала... хм, да. Еще есть сведения, что его книга «Энергетические стихи» стоит на вооружении армии из вражеского блока, – добавил Хамитов. А потом и вовсе удивил:

– Послушайте, если он создает языковые вибрации, мы можем оторвать Оному язык, сломать челюсть...

Чеканкин теоретически допускал такое развитие событий в самом крайнем случае, но должен был сказать другое:

– Перестаньте нести дичь!

Но и Хамитов, и Чеканкин сразу поняли, – именно так они станут действовать, если ситуация выйдет из-под контроля.

– Станислав Лаврентьевич, решать вам, но мы должны обратиться в Главк.

– Зачем еще?! – взбунтовался деланно Хамитов. – Мы его взяли крупно, а в Главке медальки и премии получают?

Но все понимали, что если в Главке узнают о происшествии в Норске из газет, то всему местному ведомству будет несдобровать – их всех намочат, а потом высушат. Но в ту субботу министр охотился, воспользоваться сотовой связью Чеканкин постеснялся, а дежурный офицер в столице казался ему фигурой слишком мелкой для такого события. Так Онный остался в руках троицы до понедельника.

Муравьи рыжие разбегаются по всему вашему золоченому телу

Оного решили отпустить, пока он сам не ушел навек, – так подумали. Но прежде нужно было как-то извиниться, что ли, – прощались ненадолго, да и прощались ли? Но Дмитрий отказался покидать камеру, пока не закончит выполнять комплекс отжиманий. Пришлось ждать. А когда его ввели, он улыбался.

– Дмитрий Андреевич, долг велит нам извиниться...

– Только долг?

– ...но и вы поймите нас: случай неординарный, выдающийся...

Тут Митя посмотрел на Анну внимательнее и заговорил, будто обращаясь к кому-то внутри нее, к некой глубинной и отзывчивой материи: «А знаете ли вы, что есть такие быстрые поцелуйки, которые везде – словно муравьи рыжие – разбегаются по всему золоченому телу вашему и, вот они уже внутри, роятся и радуются. Победы празднуют! А известно ли вам, что выражение „зацелую до смерти“ сначала было реальным фактом действительности, уж потом обрело выраженную крылатость?».

Оказалось, Анна ждала этой странности от Мити. И спросила резво:

– Скажите, а почему люди во время поцелуя стремятся язык друг друга отыскать?

– Ого! Да вы хорошая! Думаю, так мы открываем коды, делимся энергией. Вспомните птиц, которые крыльями (а язык даже по форме на крыло похож) трутся и передают знания о маршрутах, зимовьях, опасностях.

– А зачем люди языками тела любимых исследуют?

– Хотят узнать историю тела, погибель духа. Заметьте, язык всегда к овражкам устремляется. Как сказал один поэт: «Язык мой – враг мой, и твой любовник».

– А не тот ли поэт сочинил сборник «Энергетические стихи», который потом всем тиражом оказался в министерстве обороны Израиля? – поинтересовался Чеканкин.

– Я не знаю, как тираж пропал. И экземпляры редакторские. Но я поспешил тогда уничтожить и рукописи, и черновики – уж слишком зловеще тогда все сбывалось.

– Вы можете послужить народу, Родине, – вдохновенно начала агитацию Анна.

Оный развеселился.

– Вы сейчас пытаетесь меня завербовать? Бросьте. Я в состоянии заметить подмену понятий. Впрочем, я не проводил глубинных исследований «энергетических стихов», но в наше Министерство обороны письмо написал. Меня назвали фантазером. Что поделывать, в силу наших танков генералы верят больше. Но мне сдается, что танк можно остановить словом на «ять».

Тут вышел из-под самоконтроля Хамитов.

– Слушайте, а не сказочки ли вы нам здесь рассказываете? Не слишком ли вы уверовали в возможности языка, а мы в ваши возможности?! Не фантазия ли эта ваша... паранормальная лингвистика?

Дмитрий улыбнулся. Он часто считал самым действенным просто проулыбать ситуацию. Хамитов же вспомнил, при каких обстоятельствах этой ночью был взят Оный, и сразу сгорбился, отвел взгляд.

– Простите, «не проводили глубинных исследований», но поверхностные все-таки были? – уцепился тонко Чеканкин.

– Так точно, – улыбнулся Оный.

– И? – хором спросили трое и даже непроизвольно сделали движение к нему навстречу.

– И продолжал жить. Не спал четверо суток, не нуждался в отдыхе, каждые восемь часов произнося некую словесную формулу. Я прекратил испытания на пятые сутки.

– А вы могли бы восстановить эти чудесные тексты? – был вопрос Анны.

– Теоритически – да. На это ушло бы некоторое количество времени, так как там тонкие связи, которые я позабыл, кажется, но в процессе вспоминания обязательно нащупал бы... Но не сейчас. Я погружен в другую работу.

– Скажите, а не связаны ли эти ваши необычные возможности с Ларисой Нарциновской, ее историей? – спросила Анна, а Чеканкин после этих слов как-то долго и странно смотрел на женщину.

Оный попросил воды. Он, кажется, начинал утомляться. Потом заговорил: «Вы так уверенно говорите про сверхспособности... Что ж, я не отказываюсь. Очевидно, наши предки давным-давно умели гораздо больше, чем мы. И упоминания об этом встречаются в древних летописях, но упоминания иносказательные, явные были уничтожены, ибо не могут же язычники проклятые большего уметь, чем христианские праведники. А Лариса... Лариса хорошая. Ей не повезло... Мог ли я ее спасти? Наша любовь (пусть так) – совсем несбывшееся что-то, придуманное мною, сочиненное. Лариса меня вряд ли помнит – мне было 14, ей 12 – любовь не могла тогда воплотиться, занять плоть. Был только дух...

– Лариса помнит, – тихо сказала Анна. И всем показалось, что между Анной и Дмитрием возникает прямо сейчас, у всех на глазах, тихий заговор.

– Как вы сказали?

– Лариса помнит.

– Лариса – то ли девочка, то ли веточка, блуждающий огонек в ночи, хрустальная весна, первая взрослая книжка... – Оный помолчал, потом продолжил. – Мой бесконечный междометийный ряд, горе звонкое на всю жизнь, шкатулка краденая. Чувства мои были безысходны, потому прекрасны. Впрочем, первый свой стихотворный шок я описал именно тогда, то есть погружаться в язык от того чувства и начал. Какая она была? Золотая она была. Золотая и серебряная. Знаете, как красиво и долго звучало эхо от ее имени над прудами и оврагами! Как волновались травы от ее имени! Как безнадежно кончалось детство, как обязательно останавливалась карусель! Да кто вам сказал, что я буду рассказывать о ней?!

Анна вывела на стену через проектор изображение, потом еще одно, и еще.

– Это Лариса?

Дмитрий поднялся, глядел на фото. Подошел совсем близко, смотрелся долго.

– Уставшая совсем, золотая девочка. Золотая бедная девочка. Мы жили в разных городах, на придуманных планетах, в разные времена.

Горные вершины

Спят во тьме ночной;

Тихие долины

Полны свежей мглой;

Не пылит дорога,

Не дрожат листья...

Подожди немного,

Отдохнешь и ты.

Зачем все это? Я не люблю ее больше. Включите свет! Пожалуйста, включите свет!

Свет включили. Все заметили, Оный был близок к панике. Он еще косился на пустой экран, был недоверчив и немножко смешон, как зверек, когда с ним играют люди.

– Кем-то тиражируется мнение, будто жизнь без любви ущербна и неестественна. Но это слишком прямолинейное утверждение. Так под любовь маскируют блуд, страстишку, головокружение на работе и прочие мелочи и недостойности. Жить без любви можно. Есть ли жизнь на Земле вне любви? – Митя снова улыбался, – Я вот живу не только без любви, но и от любви, –

и снова посмеялся. – А теперь мне пора. Я хочу побыть один. Завтра воскресенье, мне надо готовиться к встрече со студентами. С ними так интересно! В каком-то смысле мы обмениваемся кровью. Да, я люблю, когда кровища! – ха-ха-ха!

Паутина

Чеканкин был уверен, в ближайшее время Оный не станет проводить испытания. В этом его убедила более всего Анна Евгеньевна, свое мнение обосновавшая тем, что каждое новое испытание может стать последним для Дмитрия, если он не подготовится как следует, не подберет стоп-слово для данного случая. Велика, очень велика возможность не вернуться в настоящее время и в ту точку координат, откуда он стартовал. Потому Оного отпускали без особого страха. Но Чеканкин понимал, что нужно бороться за него, бороться более всего с ним самим. Для этого его Ведомство должно стать частью самого Оного, спутать и спутаться с его близкими. Потому он сел за разработку программы. Это была очередная паутина опытного паука. Только в этот раз, и Чеканкин это понимал, ему будут даны такие полномочия и методы, которые изберет он сам – уж слишком важна была цель. Чеканкин решил действовать сразу в двух направлениях: родные и Нарциновская. Из родных была выбрана сестра Мария – она сама пошла на контакт, у нее был свой интерес. Нарциновская... Чеканкина интересовала даже не сама эта уездная дама, сколько та кочка, какую она создала в судьбе и мироощущении Оного. Этим странным тяготением луча по сумеркам и собирался воспользоваться Станислав Лаврентьевич. С Марией он решил работать сам, до Нарциновской же отправил Петрову – ему нравилось, как умно и тонко работает Анна Евгеньевна с этим грандиозным делом. И Чеканкин именно ее видел своим замом в будущем.

В жизни Станислава Чеканкина случилась темная ночь при ярких звездах. Ночь, полная мучительных надежд и головокружительных страхов. Эта ночь царствовала с воскресенья на понедельник, именно в понедельник ему предстояло доложить о происшествии в Норске министру, именно в понедельник он должен будет отдать им Оного – такую потрясающую находку, летающего мальчика, знающего заповедные слова. Отдавать им Дмитрия не хотелось, и причин было великое множество. Во-первых, у Чеканкина теперь настал такой статусный возраст, а статуса вроде и не было. Начальник городского отделения Управления Госбезопасности в тихом провинциальном захолустье, где нет ни шпиенов, ни террористов, где жизни нет – разве это достижение для такого умного мужчины, мужчины блестящего и с талантами?! А тут дело – настоящее, высоченное, которое можно та-ак раскрутить! Да это же волд сенсейшн, на первых полосах и всех каналах! Этот Оный не просто так вылез здесь и сейчас. Он мне карьеру нагадал, великую карьеру – аж голова кругом! Вторая причина поначалу показалась Чеканкину бредом, да потом все настойчивее зазвучала внутри. А что, если отнять у бескорыстного великолепного дурня Димки Оного все его лингвистические находки, весь его сундук выпытать, да и встать у Руля рульного, Властью властвовать, казнить и миловать, но более казнить?!

Длилась ночь, долгая и темная, и длились думы Чеканкина. И боязно ему становилось: а вдруг не сдюжит? Дело необычное, и великие умы могут надорваться. А вдруг не только не возвеличит его чокнутый ученый, но погубит натурально? Жить-то хотелось, и могло: жена-красавица и любовница-умелица. И еще знакомства. Он начальник. Серый кардинал. Его сам мэр уважает и побаивается. У него и на мэра есть в тихой папочке буковки и даже плечочки. И караоке-бар ему принадлежал. И еще угоды. Но хотелось, мечталось въехать в столицы в новой форме, и не на вырост чтобы, а в самый раз – с погонами новыми и высоким званием. Пройти по Ведомству с ликом злостным и карающим, наводя ужас и внушая фатум этим щеголям московским, не знающим, почем фунт и почем лиха; выделить взором хищным дам фигуристых и пригласить их на собеседование перстом властным... Эх, и слог у меня хорош, – чем не Гоголь! Пропаду я и скисну в этой дыре темной, в Норске-норовиче. А что, если министр саморучно возвысит до своего уровня? Проявлю свойственную мне тонкость

и смелость в решениях при докладе, попрошусь вести дело – и в Москве меня оставят... Сначала временно, а потом и навеки веков. Хороша жизнь в Москве – как в раю, что посредине ада!..

Длилась, длилась ночь, пил вино сам с собою Стасик, гадал и выгадывал – как ему возвыситься, что же такое совершить над этим Оним, чтобы в Короли выйти? Или отпустить его? Пусть продолжает работу. Он ведь скоро изменит мир. Итак, мир изменится... А я? Я так и буду в этом овраге, среди людишек темных и пустых?! Нет, не отпущу я его. Никогда уж теперь! Я с ним навеки темные сросся, в тот самый миг сросся, как увидел, что он возвысился, воспарил над людом прочим на двенадцать высоких мэтров... И какой же красивый он там парил, нездешний совершенно! И я хочу возвыситься, но иначе! Дай, дай мне высоту, Оный! Дай! Дай! Да-а-а-ай! – так Чеканкин завыл ближе к рассвету, строил рожи в темень, пугал ангелов и сам пугался. И рассвет он встретил с грезой на сердце и взором искрящимся. А утром чисто выбрился и пошел на встречу с Марией.

Дайте мне восторгов и салюта!

Мария торгует братом

– Знаете, Мария Андреевна, я так страдаю среди этих чужих медленных людей, у коих такая вялотекущая кровь в тихих жилах, я и сам хочу наружу, прочь из созданного ими мирового адка! Посмотрите вокруг! Что мы имеем? Стареещее человечество, древнее как рыбы, – живем тихо, сонно и глубоко – ни огня, ни эмоции электрической. Дайте мне восторга и салюта! Дайте мне пороха и черта в табакерке!

– Вы интересный. Вы настолько интересный, что мне любопытно, как вы будете смотреться в гробу. В маленьком таком и совершенно бездарном гробешнике...

Так Мария привела мальчика Стаса в норму.

– Вы уже связывались с вашим начальством? Или мне самой сделать это?

Такого Чеканкин не ожидал. Неужели сия убогонькая посмеет шагнуть через него? А если посмеет? Он не только не преуспеет в этом деле, но еще и по носу получит крепкий щелчок. Настолько крепкий, что и слететь может. И Чеканкин взялся врать. На его профессиональном языке это называлось иначе, но сказал он следующее:

– Конечно, надо мной сидят большие умы. Они поручили именно мне вести это дело, потому что доверяют.

Мария чувствовала вранье за версту. У него и времени не было связаться с центром. Да и жаден он, чтобы совсем не попробовать барыш извлечь. Жаден и честолюбив. Его надо ближе держать. Ближе, но не рядом.

– А вы мне нравитесь. Врете и не краснеете. Мой братик такое вытворяет (почти сотворяет, как Бог-удалец), что, узнай об этом в центре, уже давно бы сидел здесь генеральский чин, и глаза его сверкали от золотой находки этой. Вы какую выгоду извлечь хотите? Только не кривляйтесь, а то я вас накажу.

Чеканкин видел, Мария, и без того дерзкая, еще и всевидящая. Это, видимо, в роду у них. Но почему ему должно быть стыдно, если ей, приторговывавшей родным братцем, стыдно не было? И он взял, да и раскрыл ей все. Хочу, сказал, карьеры и денег. Головокружительной карьеры и денег бешеных. Славы хочу. Иметь право карать хочу. Мария презирала его, он был слишком кровожаден, на ее взгляд. Она хотела только покоя. Просто такой покой она считала самым идеальным, самым покойным покоем для себя – покой за океаном, в Северо-Американских штатах. И она готова была отдать им братца. Слишком она исстрадалась. Да и братец, она в этом была почти уверена, не просто так оставлял за собой метки – это он давал ей возможность воспользоваться чудесным шансом.

Анна в Райске

А в это самое время Анна въезжала в Райск – тихий, почти заброшенный провинциальный городок с узкими улицами и единственной проезжей дорогой посередине. Запустение и бедность бросались в глаза, и постройки все сплошь древние. Но Анна теперь знала, через несколько лет город изменится, ибо здесь обнаружат газ. Придут газовики, создадут новую инфраструктуру под себя – всегда с размахом и совершенно без вкуса, и городок перестанет быть тихим, его покинут много лет живущие здесь привидения.

Отделения ГБ здесь не было, но сотрудник наличествовал – молодой еще и пьющий мужчина, да и как ему не пить, если заняться совсем ничем?

– Рад, очень рад! – сказал он, оглядев нескромно или скорее нетрезво Анну, принимая ее в кабинетике местной милиции, где он и располагался. – А с каких это пор наше Ведомство интересуется девицами, которые на продажу? – и он попытался подмигнуть заговорщицки. Но Анна посчитала нужным его протрезвить хотя бы на время своей командировки.

– А с каких это пор офицер безопасности может вести нетрезвый образ жизни? С каких пор вы позволяете себе преступную небрежность в отчетности? Почему вы пренебрегли обязательным квартальным рапортом по переселенцам-мусульманам?

– Та-а-ак! Наконец-то! Если бы вы знали, как я долго ждал настоящего человека и дела настоящего!

Николай Сухов, а именно так звали сотрудника, просиял и даже потер руки от удовольствия. Казалось, к нему вернулись все его профессиональные навыки, приобретенные в специальном учебном заведении, – учился Николай очень неплохо, просто в этом городке, приходившемся ему родным, совершенно скучал. Не то чтобы не было для него работы, просто эту работу он делал одной левой. Ему же дела веселого хотелось. И вот он почувствовал – началось.

Началось!

– Интересующую вас барышню я прекрасно знаю. Мы же росли на одной улице. Нарциновская Лариса, возраст 31, не замужем, пьет, курит, употребляет легкие наркотики в виде марихуаны. За употреблением тяжелых милицией замечена не была, но у меня свои данные – случается и это. Прекрасная девочка в детстве, в отрочестве сильно изменилась: стала доступной, падкой до мужского внимания. Долго шалавилась, пока добрые люди не пристроили ее быть дурой за денежку. Отзывчивая, легко дает деньги в долг, потом никогда не просит обратно. Не пользуется косметикой.

– Я должна увидеть ее!

– Это несложно. Множество вариантов. От фото- и видеоматериалов, которые я сделаю очень быстро, до очных встреч. И здесь широкие возможности: от «случайного» знакомства до подключения к делу участкового и задержания по любому из предлогов (проституция, пьянство, наркомания и так далее). Только я лично не хотел бы показываться ей на глаза. Понимаете, мы жили по соседству. Наши родители дружны были. Я для нее дерево-грушу тряс, а она – счастливая девчонка, с визгом плоды с земли подбирала и в ладошки хлопала...

– Хорошо, я вас понимаю. Пусть будет задержание. И я в роли полицейского.

– Разве только с области. Всех наших ментов Лариска знает...

– Да, пусть так!

Мертвая Нарциновская. Случилась счастливая бездна

Анна уже понимала, что Лариса Нарциновская интересуется ее не только по служебному делу. Признавалась ли она себе в жгучем интересе к личности Дмитрия? Действительно ли он поразил ее женское воображение и своими чудесными способностями, и всем прекрасным миром, который он так красиво носил в себе? А еще у него было облако, которым он управлял. Дмитрий направлял облако на Анну, и молодая женщина купалась в запахах неба, куталась в белый несбыточный мякиш, совершенствовалась в мечтательности. В руках у Оного были молнии.

Ларису легко нашли в тот же вечер, доставили в кабинет. Для вида вместе с Анной сидел полицейский в форме, но он почти сразу ушел. Так Лариса и Анна остались наедине. Они некоторое время смотрелись друг в друга, изучали по лицам историю прошлую и будущую. Очень странной может показаться следующая деталь – Анна в волнении встала и даже сделала движение навстречу Ларисе, когда ту вводили. И что же увидели они друг в друге? А увидели они сходство, и сходство было динамическое: так Лариса более походила бы на Анну, будь у Ларисы иной образ жизни и та строгая дисциплина, в которой держала себя Анна. У Ларисы сбылись несколько припухшие глаза и губы – от вина и темной жизни, от бесконечной и ни разу не случившейся любви, и глаза были влажные от невозможности плакать. У Анны взор был чуть суровый и губы сухие и жесткие от повышенных требований к себе. Лариса начала полнеть, Анна же изнуряла себя тренировками, потому выглядела несколько скованно даже. И глаза у Ларисы потускнели и были пусты, как надоевшая книга, у Анны же, несмотря на суровый взор, в глазах еще таилось детство и живой интерес ко всему вокруг.

«Вот и Она... Та, что была у Оного... А я кто здесь?» – так подумала Анна, именно с заглавной буквы назвав Ларису. В Нарциновской чувствовалась усталость и похмельная растерянность, она так и не успела надеть на себя маску, коими так богата коллекция женщин, решивших жить весело и без слова «нет». Они встретились, и взоры их обменялись какой-то тайной информацией, и молодые женщины вдруг почувствовали себя сестрами. Случилась тайна, и не было теперь в этой служебной комнате порочной карьеристки и той, что выбрала веселую бездну. И разговор получился у них необычным.

- Садитесь, вот сюда. Удобно ли?
- Спасибо, очень удобно! Впервые так удобно здесь...
- Простите, уж пришлось вот так...
- А говорите мне «ты»! Не привыкшая я...
- Вот славно, и я о том же прошу...
- Я Лариса.
- Анна я.

Дежурный полицейский, словно почувствовав настроение их беседы, внес чайник с душистым чаем и баранки.

– Вот как диковинно и хорошо... Чай! – Лариса улыбалась. И по-служебному закрытая Анна не могла не откликнуться на такую приятную и добрую улыбку. Тут она вспомнила, как открыто и хорошо улыбается сам Дмитрий – навстречу всему миру, словно волшебным ярким лучом пронзает весь горизонт тьмы... И вот теперь Лариса улыбнулась очень похоже. У них какое-то тайное общество улыбчивых людей.

- Анна, зачем я здесь?
- Ничего страшного, Лариса. Формальности. Но все уже решилось, мы просто поговорим.
- Обожаю разговаривать. Раньше я совсем нелюдимой была, молчуньей. То есть я отвечала, но не вслух. Вслух я стеснялась. Я одного мальчишку обожала, он неместный был. То есть совершенный инопланетянин, у него уста медовые были, он словами зачаровывал. И как же

много мы с ним так говорили! То есть он вслух говорил, а я внутрь себя. Но мне казалось, он эти мои слова внутрь очень хорошо слышал. Знаешь ли, Анна, а я ведь до сих пор с ним разговариваю, хотя уже много лет мы не видимся. Да и не свидимся, зачем я ему, хорошему, такая нужна?

– А как его звали? Какой он был? – вопрошала Анна, хотя уже давно все поняла и приготавливалась удивляться.

– Почему звали? Почему был? Что с ним?! Что с ним?!

– Лариса, остановись: с Дмитрием все хорошо. Он занимается исследованиями, совершил прорыв в науке...

– Да, это его дорога. Он и тогда был выше других. А сейчас, наверное, рядом с ним голова кружится... Кружится?

– Кружится.

Лариса улыбнулась на это признание Анны.

– Что он? Женат, дети? Хотя вряд ли.

– Ему эта область неинтересна, кажется.

– Да, Митю интересовали чудеса сами по себе. Помню, как он взялся словом исцелить моего пса. Тот старый совсем был и умудрился под машину попасть, – ох, я убивалась тогда!

– Исцелил?!

– Вот еще! В тот же день псина издохла. Митя же сокрушался, но недолго: сказал, что будет работать в этом направлении. И через некоторое время сможет оживить собакевича. Фантазер!

– Лариса, как доказал Дмитрий Андреевич, он близок к решению ряда нечеловеческих задач. Он поражает воображение. Это какой-то светящийся поток, радуга...

– Втюрилась в него?

Анна уловила в голосе Ларисы вдруг проявившуюся периферийную враждебность.

– Не-ет, что ты! Мы просто вместе работаем...

– Не думаю, чтобы он мог быть с кем-то вместе. Рядом – да, около – да, но вот вместе...

Нет, не думаю.

Анна молчала. Потому Лариса продолжила.

– Ты берегись его. Он когда рядом ходит, горячо становится. Но жар-птица улетит, и все тускло кругом и холодно. Навсегда.

– Лариса, но ведь он не виноват, что ты... Разве он?

А Лариса ничего не ответила. Ни да, ни нет. Карающее умолчание.

– Но Анну такой ответ не устраивал. В чем же, в чем же виноват Дмитрий? Он поразил воображение девочки, но разве свеча в ответе за сияние? Свеча ли виновата, что крошечная ночь вокруг?!

– Лариса, это очень серьезное обвинение. Я думаю, оно необоснованное. Ведь если рассуждать логично...

– Упаси нас Боже. А ты и вправду втюрилась в Диму... Расскажи, какой он сейчас.

– Он такой... такой... такой...

А какой? Совсем не многое могла сказать Анна о Дмитрие. Вспомнилось сразу, как она увидела его впервые, – Хамитов вводил ее в дело, показывал слайды. С фотографии смотрел совершенно счастливый мужчина, юный и вихрастый. Вот он в костюме спускается по лестнице после лекции, а вот он вечером совершает пробежку. Вот фотография, где Дмитрий Онный у окна своей комнаты в студенческом общежитии, смотрит в синюю даль, наблюдает простор за окном, зачарованный.

Вот Дмитрий Андреевич в библиотеке, среди книг, в глазащах поиск и радость открытия. Кажется, он уже знает, все сбудется – все то головокружительное и невероятное, что он возмечтал. Потом Анна видела его каждый день, когда она устроилась в университет. Дмитрий всегда

здоровался с ней, но, кажется, сразу понял, для чего она здесь. Он, видимо, давно почувствовал вокруг себя сгущение атмосферы, и принял эту игру. Вполне вероятно, что и это вознесение в ночное небо он затеял для того, чтобы соперник наконец-то обнаружил себя, легализовался. И теперь Оный знает, с кем имеет дело. Теперь он может наметить план действий и определить серьезность ситуации. Или он думал, за ним охотятся криминальные структуры? Большая ли разница? – так размышляла Анна. И тут она впервые задумалась о том, что ее организация хочет от Оного и какими методами будет добиваться этого...

– Он высоченный. Рядом с ним весело и страшно. И понимаешь, что «навсегда» уже наступило.

Наутро Ларису найдут мертвой в том самом овраге, куда она и Димка ходили много лет назад, – тогда они сидели над бездной, свесив ноги, и долго и светло разговаривали. То есть говорил исключительно Митя, Лариса же отвечала, но внутрь себя. В голове мертвой Ларисы будет вплетена алая лента, как тогда. Взгляд у нее покажется странно счастливым... Наверное, перед тем, как сигануть во тьму оврага, она переживала некие далекие и приятные мгновения. Случилась счастливая бездна.

Московский грянул гром Фокус-чпокус

События вдруг ускорились, карусель рванулась вперед.

В ту ночь, когда Лариса Нарциновская сидела в грезах и грозах над бездной, в Сети появился видеоролик. Аналитический отдел Ведомства засек его мгновенно, специалисты по паранормальным явлениям (отдел X) рассматривали его утром и делились впечатлениями. У них уже были данные, где снималось это чрезвычайное кино, и с какого компьютера был вброс. На видео человек парил над земной поверхностью. В полдень министр, слушая доклад, среди прочих выделил это дело и поинтересовался, какой процент вероятности, что это фокус. И был поражен ответом – процент стремился к нулю.

– То есть? – предложил министр озвучить докладчику версию.

– На видео мы видим человека, который умеет подниматься в воздух и находится на высоте большое количество времени без помощи каких-либо приспособлений.

– Свяжитесь с местным отделением. Завтра вечером полный доклад об этой «птице». Ролик из Сети убрать, ветвь обсуждения привести к версии шарлатанства и старого фокуса-чпокуса.

Похороны Ларисы. Была на них и Анна. Чувствовала ли она себя причастной к этой гибели? Нет, не чувствовала. В спецшколе ее научили измерять все ценности своей работой. И Анне более было жаль Ларису, как выскользнувшего возможного агента, с помощью которого у них появлялся шанс приручить Оного. Теперь Ларисы нет, шансов меньше. И все-таки, странно: еще вчера мы говорили, и так хорошо говорили... Онный, его образ достал и замучил Ларису много лет спустя. Но замучил ли? Не освобождение ли она получила из своей тьмы? Не вольную ли дал ей Онный? Много, много вопросов. И так немного людей. Коллеги, но совсем мало: им нельзя грустить, им должно держать себя в веселом тону. Сутенер Сережа и сутенер Алик. И еще совсем маленькая, и совсем ничья девочка. И мать, которая давно похоронила Ларису. И отчим с подбитым глазом и застрывшим криком: «Дай миллион!». Да школьный друг в разбитых очках и с больным горлом. И все.

Закопать решили прямо у оврага, пусть девочке всегда будет видна та самая бездна, в которую ей посчастливилось. По другой стороне стелился луг. Травы в это время горя уже отошли. Кошка сдохла. И хвост облез.

В тот же вечер Анна возвращалась в Норск. Ночью в поезде под грохот колес ей снилось, как зверски убивают Ларису.

Хамитов бубнил – она завалила задание; Чеканкин же видел в смерти Ларисы добрый знак. Теперь они сумеют навязать Оному еще более глубокий комплекс вины, да и последние дни и часы Нарциновской можно переписать так, как им надо – мертвая не расскажет – так подумал Чеканкин, да вдруг осекся.

Тут грянул московский гром, то есть с центрального офиса раздался звонок, и голос в трубке поинтересовался, а не расслабились ли они там, и за что им зарплату платят, если у них люди в небо воспаряют? И прозвучало указание немедленно отчитаться по инциденту. Таким образом, Чеканкина лишили этого мучения последних дней – возможности выбора между добром и злом. Теперь зло будет централизованным.

Централизованное зло – очень полезное изобретение. Благодаря ему негодяи на местах могут дышать спокойнее: ведь они просто винтики в негодяйской машине, все вопросы – туда, в центр. Именно в центре определяют степень их негодяйства. Но в Ведомстве изначально

не может быть негодяев, ибо вопросы морали всегда условны, границы морали спорны и расплывчаты, а государственная безопасность реальна. И государство следует защитить любой ценой. Даже от собственного народа. Народ внушаем, народ может заблуждаться. Государство не ошибается никогда.

Чеканкин только спустя многие годы, когда ему, ветерану ГБ, дадут-таки доступ в архив, узнает: тот самый ролик в Сети разместила Мария и тем самым выключила его из игры, сама же шагнула в той игре на ступень выше. Но есть вещи, о которых нет сведений даже в архивах сего грозного ведомства. И действительно, там ничего не сказано, что перед тем, как выйти в ту ночь из дома родителей, Оный зашел в комнату сестры и разбудил ее, при этом не сказав ни слова. Мария долго шла за братцем, а когда он вдруг воспарил в небо, просто включила функцию видеозаписи на телефоне.

Анна вернулась в Норск, Чеканкин тут же отдал ей указание систематизировать все материалы по Дмитрию Андреевичу Оному и подготовить их для передачи в головной офис, – уже завтра должен приехать специальный агент со своими экспертами. И теперь уже в жизни Анны Евгеньевны случилась странная ночь, и в эту темную ночь ее вера в организацию, которой она принадлежала прежде и духом, и телом, пошатнулась. Петрова вдруг увидела и поняла интеллектуальный подвиг одиночки, выбранного врагом ее могущественной конторой. И в Анне поселилась невесть откуда крамола крамольная – попытаться спасти Дмитрия. Дать ему понять степень опасности, в которую он попал. Все это превращение не обошлось без очень сильной симпатии к личности Оного, без некой чудесной тоски динамита по искре. Итогом целой ночи раздумий был звонок Дмитрию перед самым рассветом. Митя ожидал этого звонка, сидя за столом комнаты в студенческом общежитии и анализируя тексты древних приворотов на любовь. Он был уверен, что тексты эти сплошь отредактированные, почищенные цензурой. Но цензоры работали топором – просто отсекали одну из обязательных частей. И было очень просто, имея перед собой некоторое разнообразие, определить, какой именно части не хватало каждому из заговоров. Так возникал некий новый, но при этом отреставрированный текст. И было совершенно ясно, почему над древними заговорами так зверствовал цензор. Потому что заговоры работали. Позже станут известны «речевки Оного», в которых будет всего три компонента (слова) с корнями, восходящими к священной древности. Эти речевки будут не просто задавать нужный положительный эмоциональный настрой, но и, совпадая с частотой сердечных ударов, попадать в уши Тому, кто всем этим миром заправляет. Совпадение вибраций дает поразительный результат. Материя слышит нас, любит и верит в нас.

– Дмитрий, мне с вами надо встретиться. И у нас совсем немного времени.

– Сегодня вечером будет еще не поздно?

– Вечером еще не поздно.

– Приходите ко мне в студенческое общежитие, комната 116. В любое время, после шести вечера.

– Хорошо. До встречи.

Анна знала, звонки Дмитрия не записываются. Чеканкин готовился сдавать дело людям из центрального офиса, потому прослушка была снята. Если бы звонки писались, у нее оставалось всего семь способов. Третьим из которых была установка односторонней телепатической связи.

Ровно в шесть вечера Анна стояла перед дверью комнаты, где и вытворял этот человек. Постучалась. Получилось робко. Но Оный уже откликнулся: «Входите, открыто!» Вошла. И увидела Митю. Он сидел за столом напротив окна, за которым шумел и гулял на всю ивановскую листопад. Он повернулся и оглядел ее открытым взглядом.

Они могли быть великолепной искрящейся парой.

Засекреченная лингвистика

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.